

Их много, их уже столько, что даже ООН озабочена (впрочем, это специальность ООН — выражать всякие озабоченности). Они — это молодые люди, которые не учатся и не работают. Они уже

В СССР бездельничать было затруднительно, и вовсе не по причине ст. 209 УК РСФСР "тунеядства", как многие сегодня думают. Да, статья такая была, но главным было то, что жить, не работая, в СССР было просто материально затруднительно, почти невозможно. Не допускалась никакая рента — т. е. жизнь на прошлые доходы. Нельзя было иметь несколько квартир и их сдавать, не было финансовых инструментов, позволяющих делать деньги из денег, процент по вкладам в Сберкассе был, кажется, 2%. Словом, признавались только доходы от сегодняшнего, текущего труда. И подавляющее большинство жило именно на текущие заработки, откладывая понемногу на большие покупки. Всекие другие доходы назывались нетрудовыми и осуждались. А советские люди назывались "трудящимися", т. к. предполагалось, что все они трудятся. И они в самом деле трудились. И страна наша называлась "государство трудящихся".

Однако самый факт возникновения статьи о тунеядстве именно в 60-е годы (1961-й) говорит о том, что и в СССР именно к этому времени накопился определённый социальный жирок, делающий возможным как-то изловчиться и жить без труда.

Вообще-то, когда я училась в Московской юридической академии (ныне Московский юридический университет им. Кутафина), старые юристы говорили, что статья эта редко применялась сама по себе, т. к. за всеми не уследишь, кто работает, а кто нет. А вот если кто-то, положим, нахулиганил и выясняется, что он ещё и тунеядец — вот тут могли и наказать по всей строгости с учётом тунеядства. Тунеядская статья служила некой острасткой для потенциальных бездельников.

Когда говорят о 209-й статье — непременно вспоминают поэта Бродского, которого по ней выслали из Ленинграда в какой-то совхоз и — о ужас! — заставили там работать, и это было унизительно, несправедливо, тоталитарно. Мне же думается, что Бродскому очень повезло, притом вдвойне. Во-первых, мощный пиар, на который обратила в своё время внимание Анна Ахматова: даже те, кто не читал стихов Бродского, знают об этом происшествии. А во-вторых, нет ничего полезнее для литератора, чем участие в общем труде своего народа. "Если б я была царица", я бы приказала всем писателям, журналистам, публицистам, аналитикам и т. п. три дня в неделю работать в реальном секторе экономики, а в остальное время — сочинять свои произведения. Уверена: качество их изделий возросло бы несказанно.

Но этого, разумеется, нет и не предвидится, а после падения советской власти работа стала частным делом каждого, а безделье — вовсе не предосудительным образом жизни. Тем более, что именно так и обстоит дело во всех "нормальных странах", с которых брали пример. Все возмечтали о "пассивном доходе", особый престиж приобрела профессия рантье: "Мы сидим, а денежки идут", как говорилось в давней рекламе. Количество незанятых в рабочем возрасте прогрессивно возрастало.

Повторюсь: в каких-то формах и размерах безделье, безусловно, существовало и прежде, однако именно идея логии за ростом массового благосостояния породила обширную прослойку неработающей молодёжи. Отметим ещё один факт: имитативное обучение во всякого рода имитативных вузах — это камуфляж той же незанятости.

Иногда безделье объясняется распространением новых недугов, которых в прежние время не было или было несравненно меньше. Да и сами ни-нишки очень часто сослаются на свои хвори: не могу-де работать, здоровье не позволяет. Они и впрямь часто больны какой-нибудь модной болезнью: СДВГ — синдромом дефицита внимания и гиперактивности, БАР — биполярным аффективным расстройством, РАС — расстройством аутического спектра. Иногда эти диагнозы им щедрой рукой отсыпают в раннем детстве, иногда они ставят их сами или с помощью друзей и соратников по безделью. Всё это лишний раз доказывает, что работать им трудно, почти невозможно.

Вот, например, одному нашему юному соседу, приятному, симпатичному парню, ещё в начальной школе был поставлен диагноз: дисграфия. Это значит, что он органически не может выписывать буквы. Мне лично кажется, что его просто не учили толком, он не попал в руки к такой замечательной учительнице, какой была моя бабушка, которая учила всех без изъятия и не требуя никакой дошкольной подготовки. Но это было в тоталитарном СССР, а в демократической России юнец, кое-как окончив школу, болтается без толку, неся свою дисграфию, точно медаль. Научный медицинский диагноз даёт ему индульгенцию ото всякого жизненного напряжения. Тем более, что семье досталось от предков несколько квартир, которые сдают и тем содержат себя и недоросля.

Если раньше, до эпохи универсального прогресса и прав человека, иметь психиатрический диагноз считалось как-то неловко, то теперь стало неловко его не иметь: вроде как ты отсталый. Молодые и на вид крепкие ребята ходят к психологам, неврологам, психоаналитикам, гештальт-терапевтам и прочая, прочая, прочая, глотают таблетки, борются с навязчивыми состояниями и паническими атаками. А в таком положении — какая же работа? Знамо дело — никакая, да и некогда работать.

обрели терминологическое название — английский NEET (Not in Education, Employment or Training — ни на учёбе, ни на работе, ни на тренировке или стажировке), иногда их называют "ни-ни".

ПРЯМАЯ СВЯЗь между занятостью и здоровьем и, соответственно, незанятостью и болезнью была отмечена очень давно. Вот герой "Войны и мира" князь Андрей Болконский приезжает к старику-отцу. "— Как здоровье ваше? — Нездоровы, брат, бывают только дураки да развратники, а ты меня знаешь: с утра до вечера занят, воздержан, ну и здоров".

Я понимаю, в этом содержится некоторое преувеличение, однако тут есть и большая правда. Повседневная занятость посильным и нужным трудом — мощный фактор оздоровления, особенно при душевных недугах. На этом основан эффект трудотерапии. А современные люди даже в магазин всё меньше ходят и домашнюю уборку всё чаще возлагают на клининговые компании. Поэтому у них есть много времени и сил, чтобы прислушиваться к своим ощущениям, культивировать мелчайшие недомогания, делиться на форумах известиями о болезнях и лечениях, бесконечно искать в своей незадачливой судьбе следы токсичной матери и с помощью психолога изживать её зловредное влияние.

Когда-то целый фрейдизм родился и взрос на оказании психологических услуг скачущей венской буржуазии. Сегодня вследствие роста благосостояния скачущих стало несравненно больше, и рынок таких услуг сильно расширился. Футурологический прогноз Сбера на 2035 год обещает рост рынка психического здоровья на 40% по сравнению с 2020 годом.

Моя западноукраинская бабушка называла этот класс забо-

Культура труда в современном обществе

леваний на польско-украинский лад — панская хвороба. Лечится панская хвороба простым способом — необходимостью повседневного труда. Не просто трудом, а трудом необходимым и безальтернативным, который нельзя бросить, от которого нельзя отвертеться, отложить на потом. А поскольку у панов и бар такой необходимости нет и работать им не обязательно — ну и болезни тут как тут. Панская хвороба прогрессивно расширяет свою социальную базу по мере распространения идеи постоянного повышения благосостояния.

Главное в распространяющемся безделье — это его материальная база: без труда прожить в наши дни возможно. Не блистательно, но возможно.

Есть у безделья и второй аспект — духовный. Он не менее важен, чем материальный; вместе они образуют разрушительную синергию.

Духовная составляющая безделья — это господствующая и вполне овладевшая масса философия радикального индивидуализма. Эта философия учит, что главное в мире — это человек. Неповторимая, суверенная, самодостаточная личность. Выше и ценнее человека ничего на свете нет. Всё на благо человека, всё во имя человека. Не я для государства, а государство для меня.

Ну а дальше — безупречная логика, простой категорический силлогизм: "Человек — самое главное на свете, главное человека ничего нет. Я — человек. Следовательно, я самый главный на свете, и главное меня никто и ничего нет".

Кто смеет мне указывать, как мне жить? Разумеется, никто. Это в "тоталитарном" "совке" всех заставляли маршировать строем в Гулаги, а в современном открытом демократическом обществе — не могли тронуть суверенную личность, а тем более указывать, как ей жить. Единственным ограничением для свободной личности, — учит современная ходова философия, — является свобода других таких же свободных личностей. А больше никаких ограничений в наличии не имеется. "Я тебе мешаю?" — задорно вопрошает свободная личность какого-нибудь тоталитарного пенса, который дерзает указывать ей на её обязанности. Суверенная личность никому и ничем не обязана, ну разве что платить налоги, с этим прогрессисты обычно согласны. А всё прочее — извини-подвинься: я никому ничего не должен, кому должен — всем прощаю.

Этой "философии" учат в школе, она же разлита в воздухе, которым дышим.

Отсюда логически вытекает, что не работать — это суверенное право свободного индивидуума. Это личное дело каждого, его выбор. Слышите вы, презренные, убогие: личное дело! Выбор! (выбор — это вообще нечто священное, он должен быть всегда, иначе концлагерь, Гулаг, тридцать седьмой год). И прошу в мою жизнь не вмешиваться! Моя жизнь — мои правила! — слышали такое? Так учит господствующее ныне вероучение радикального индивидуализма. Уж тридцать лет его насаждают, и достигли в этом деле значительного успеха.

На самом деле это в высшей степени ядовитая философия: она делает человека не могучим и сильным, как кажется на поверхностный взгляд, а, напротив, крайне слабым и ничтожным. Потому что человеку придают силы именно обязанности и железная необходимость. Когда не "всё для него", а он для чего-то. Долг придаёт силы. А из радикального индивидуализма прямо вытекает: никакого долга нет и быть не может. Ну, чисто логически.

Но вот нужно ли раздражать людей требованием обязательной работы? Это большой вопрос. Мне кажется, руководство нашей и других стран на силовое решение этого вопроса не пойдёт: зачем сориться с избирателями и усугублять напряжение в обществе? Кроме того, нужно создать и поддерживать фронт работ для ни-нишек, что представляет собой некую дополнительную работу.

Способно ли помочь занятости ни-нишек волонтерство, которое как превозносили несколько лет назад? Волонтерство — хорошее дело, но надо отдавать себе отчёт, что это не работа в полном смысле. В волонтеры можно прийти и в любой момент оттуда уйти, когда наскучит. Разумеется, эти ребята делают полезные дела, и спаси-

есть вместе со всеми — работой вместе со всеми, ну а не хочешь работать — не ешь.

Так что я бы не стала возлагать особенно радужных надежд в деле воспитания трудолюбия на религию и Церковь. А вот если/когда будет сформулирована идеология труда — вот тогда хорошо бы её продвигать совместно с Церковью.

Несомненно, идеология труда, основанная на ней трудовая этика — всё это насущно необходимо. При этом надо осознавать, что это дело на годы и десятилетия, даже навсегда. Близких результатов ждать нельзя, а к сожалению, длинная воля (т. е. способность целенаправленно действовать на протяжении многих лет) не относится к сильным сторонам нашего

что сельское хозяйство — это "чёрная дыра", журнал спинул, а теперь вот понемногу возрождается.

Словом, если детей не приучать к труду — количество ни-нишек будет только расти. В богатых странах, скорее всего, введут безусловный доход, и они так-сяк будут жить. А работники... какие из них работники?

НА ПЕРВЫЙ взгляд, в незанятости множества молодых и трудоспособных ничего хорошего нет: они не участвуют в общественном труде, живут за счёт общества (за счёт родителей или на казенные пособия — всё равно за счёт других), они деградируют от безделья, дурные люди легко могут их втравить в дурные деяния.

Но посмотрите на них зорким и циничным взглядом подлинных хозяев жизни. Как промышленные работники ни-нишки, если уж начистоту, в передовых странах никому особо не нужны: необходимую промышленную работу давно уж делают в Китае, Корее, Индии, Бангладеш, а обслуживающую — выполняли выходцы из Третьего мира, политкорректно переименованного в Глобальную Юг. Похожая ситуация у нас: что — московский бездельник на завод пойдёт? О-о-очень сомнительно. "Строить и мстить в сплошной лихорадке буден" нынешние ни-нишки ни при каких обстоятельствах не станут, а переливать из пустого в порожнее на каком-нибудь конторском месте или развозить всякую муру по городу в качестве курьеров — занятие совершенно не обязательное: делает это кто-то или не делает, или делает в десять раз меньше нынешнего — принципиально ничего не меняет и особого значения не имеет.

При этом бездельники питают целую отрасль — всех этих психологов, психоаналитиков и т. д. Те стоят дорого: знакомая, которая водит дочь к психологу за 6 тыс. сеанс, говорит, что сеансов этих — конца-краю не видно. Не помогает психолог — вот тебе психиатр, он таблетки выпишет на радость Биг Фарме. Таблетки надо принимать долго, иногда пожизненно, а какой предприниматель не мечтает о товаре, который клиент покупает пожизненно?

Радуйтесь, аптекари и психоаналитики: рынок психического здоровья растёт гораздо быстрее экономики в целом.

И главное, чем они, ни-нишки, хороши для теневых хозяев жизни — они слабые, безвольные, ведомые, они не спросят с хозяев жизни за их мутные аферы, гешефты. Этим и удобны. А таблетки и психологи делают их ещё более слабыми и впускают роль больных. Их легко отвлечь от подлинных проблем и переключить их внимание на вопросы, безопасные для хозяев жизни: например, гендерная повестка для того и придумана.

Они могут поучаствовать в какой-то политической буче в качестве пехоты оранжевой революции, будучи втянутыми в это дело хитрыми людьми, но никакого собственного мировоззрения выработать не в силах, а потому придумать ничего не способны, и за это хозяева жизни говорят им большое спасибо.

Ни-нишки вместе с их "токсичными матерями", дисграфиями и паническими атаками — это фактор снижения общей энергетик общества, а обществом со сниженной энергетикой легче управлять.

Среди моих итальянских знакомых в 90-е годы была распространена контролирующая версия внезапного и быстрого распространения наркотиков в 60-х: их вбросили супостаты из ЦРУ, чтобы пригласить общую энергетику общества, чтобы молодёжь ненароком не сделала социалистическую революцию. Я не имею никакого собственного мнения насчёт этой версии, думаю только, что всякое большое явление обычно имеет много причин, среди которых и такая вполне может быть.

Так или иначе, бездельная молодёжь распространена и прирастает числом.

Болтаться по жизни без определённого занятия сегодня не стыдно и не опасно: за это и соседя не осудят, и начальство не накажет, а родители всяко супцу плеснут — так что жить можно.

Нужно ли нам в России менять это положение? Если мы хотим стать сильной и влияющей страной, подлинной великой державой — убеждена: нужно. Это трудно, но высокая роль — вообще трудное дело. Главное, что нужно твёрдо уяснить: мы не принадлежим к тем народам, на которых работают другие народы. Нам нужно работать на себя самим. Без этого ничего не получится.

Татьяна ВОЕВОДИНА

Иллюстрация: Костяк художника Василия Костяницына. 1920 г.